

Кое-что не давало мне покоя. С того самого дня я больше не видел Цинь Хуаня.

Подумать только: спасая этого проклятого извращенца Мо Чэ, я бросил парня одного, а потом — верх свинства! — и вовсе о нем позабыл. Вспомнил лишь сегодня, когда вышел прогуляться.

Дома Цинь Хуаня не оказалось. Я расспросил всех встречных, но его давно никто не видел.

— Разве он не помогает Второму главе? — предположил кто-то.

— Он у Ху Лая?

Мужчина лишь пожал плечами:

— Не знаю точно, но раньше постоянно там терся.

Ну и какой толк от таких расспросов? Знал бы, спросил бы у самого Ху Лая, когда тот заходил в прошлый раз.

Загрустив, я и не заметил, как на меня налетели двое сорванцов. Сбили с ног, навалившись сверху, точно на кузнечика.

Девчущка постарше присела рядом. На её голове забавно подпрыгивали два хвостика, похожие на кроличьи ушки. Она уставилась на меня во все глаза. Малец помладше, с размазанными под носом соплями, вцепился мне в голень и тоже всю тарачился.

Наконец девочка подала голос:

— Сяо Байлянь, а ты правда бессмертный? Умеешь летать по небу? А можешь нас с Лянляном покатать?

Я потер ушибленный зад, кривясь от боли.

— И кто тебе сказал, что я бессмертный?

Она улыбулась. Девчонка восторженно подперла щеки руками:

— В крепости все так говорят! Мол, Сяо Байлянь умеет летать, и вообще — он жена нашего Первого главы...

Услышав это, я едва не задохнулся. Кровь бросилась в лицо, заливая уши и шею. То ли от

стыда, то ли от бешенства, я оскалился и рявкнул:

— Чушь! Собачья чушь! Кому в здравом уме придет в голову становиться женой этого Котелка? Кто это там языком чешет? Смотрите, отсохнет!

— Сяо Байлянь... — девчушка, испугавшись моего гнева, жалобно потянула меня за край одежды.

— Зови меня «братец»!

Я был на взводе. Кто под руку подвернется — тому не сдобровать.

Мальчишка, видя мой настрой, вздрогнул. Посмотрел на притихшую подругу и, заикаясь, пролепетал:

— Братик... это... это не Сяо Фан придумала... Это Второй глава... когда папу лечил...

Ху Лай! Костяшки моих пальцев хрустнули.

Ну, я тебе устрою, болтун! Лицо моё, верно, стало совсем жутким. В мыслях я уже заталкивал в эту вечно зудящую пасть Ху Лая всё, что под руку попадет, лишь бы он замолчал навеки. Другие бессмертные, спускаясь в мир людей, окутывают себя тайной, а этот выставил меня на посмешище. И это когда у меня ни капли сил! Неужели смертные не знают простую истину: люди боятся славы, как свиньи — откорма?

К тому же, я до сих пор жалел, что поддался на уговоры и пощадил Мо Чэ. С того самого дня этот несносный тип вел себя... донельзя странно. Ходил за мной хвостом, держась на почтительном расстоянии. И вроде не мешал, но этот взгляд в спину лишал меня покоя. Стоило мне обернуться и гневно зыркнуть на него, как он тут же смущенно отводил глаза, тербил пальцы и поджимал губы, изредка бросая на меня трусливые взгляды.

Я закипал. Ты что, девица на выданье?!

Пару раз я едва сдержался, чтобы не покрыть его отборной бранью, но он лишь молча опускал голову, изображая из себя невинную жертву. Глядеть на это было тошно. Мо Чэ — здоровенный мужик, воин хоть куда, а ведет себя как кисейная барышня. Я, пострадавший, держусь молодцом, а он, обидчик, вдруг заскромничал.

Чем дольше я на него смотрел, тем сильнее хотелось кого-нибудь придушить. Сегодня мне чудом удалось ускользнуть от его надзора, и вот — на тебе, такие новости. Если бы речь шла не обо мне, история была бы даже забавной. Но сейчас я был готов рвать и метать.

Дети уже вовсю шмыгали носами, готовые разрыдаться. Я посмотрел на них и тяжело вздохнул.

— Чего на земле расселись? Летать-то еще хотите?

— Сяо Байлянь, ты правда нас покатаешь? — обрадовалась девочка.

Я недовольно поморщился и отвернулся.

— Будете звать «братцем» — покатаю.

— Брат Лянь! — хором выкликнули сорванцы. Их личики сияли, точно подсолнухи.

Сил у меня не осталось, но Шпилька Управления Ветром еще слушалась. Чего не сделаешь ради детской мечты? Да и репутацию нахлебника, который только ест и пьет, оправдывать не хотелось. К тому же, отказать этим крохам было выше моих сил.

Перед взлетом я подхватил детей под мышки.

— Сяо Фан, Лянлян, держитесь крепче. Вцепитесь мне в шею и не вздумайте отпустить.

Они серьезно закивали.

— Ну, погнались!

Миг — и мы уже парим над облаками. Ветер трепал волосы, клочья тумана проносились мимо, открывая вид на бескрайние просторы. Мы пронзили облачную завесу, оставляя позади скалы и долины. Впереди раскинулось лазурное море — сияющий сапфир, над которым лениво кружили чайки. Покой и безмятежность.

— Брат Лянь, а где это мы? — прошептал пораженный мальчик.

— Это... это место, где вы живете. Ваш дом.

— Наш дом? — они были в восторге. — Почему я раньше не знал, что наш дом такой огромный?

Я невольно улыбнулся.

— Просто твои ноги еще не выросли. Когда твой шаг станет стремительным, как полет орла, ты сам обойдешь этот мир вдоль и поперек и оставишь в нем свои следы.

— А что такое следы? — спросили дети в один голос.

— Это... это когда ты где-то побывал и сохранил об этом память. А когда состаришься, эти воспоминания расцветут и согреют твою душу.

Мир — это череда радостей и печалей, бесконечный сон, из которого нет выхода. А может, и нет. Ведь судьба изменчива, как ветер. Мы плывем по течению, и никто не знает, куда нас вынесет в итоге. Будущее — лишь мимолетное движение губ: опустились уголки — это горечь, приподнялись — счастье.

Когда мы вернулись в крепость Байхуэй, дети со смехом умчались домой. Я проводил их взглядом и обернулся. Мо Чэ, как всегда, стоял за спиной. Я едва не подпрыгнул.

— Да что ж ты истуканом за спиной стоишь!

Он виновато опустил голову и украдкой посмотрел на меня. Молчит. У меня аж жилка на лбу вздулась. Я вцепился в его ворот:

— Говори уже, что хотел! Хватит в молчанку играть, не то клянусь — зашвырну в Восточное море рыбам на корм!

Он замялся, принялся тереть пальцы еще неистовее, но не проронил ни слова. Прошло минут десять — тишина. Он просто покорно плелся за мной. Я пытался не обращать внимания, но ловил на себе такие красноречивые взгляды прохожих, что по спине пробегал холодок.

Сдаюсь.

Я резко развернулся и ткнул его пальцем в грудь:

— Я проголодался. Иди и готовь ужин.

Он послушно кивнул, но с места не сдвинулся. Раньше его угрюмое молчание казалось мне проклятием, теперь же я понял, насколько оно было благом. Аж плакать хочется.

— Ну скажи хоть что-нибудь, умоляю, — вздохнул я, признавая поражение. — То, что я просил тебя замолкнуть — это я со зла. Беру свои слова назад. Говори!

Он закусил губу. По лицу катились капли пота — то ли от жары, то ли от волнения. Видя, что он по-прежнему нем, я схватил его за руку и потащил на холм за крепостью, к самому обрыву.

Я оттолкнул его и, встав на краю, во все горло закричал в пустоту:

— Мо Чэ, ты — проклятый извращенец!

Эхо заметалось по ущелью, пугая птиц в густых кронах. Я обернулся к нему с широкой улыбкой:

— Если на душе паскудно — кричи! Будешь всё в себе держать — кишки отравятся. Рано или поздно пожалеешь.

Горы молчали, подпирая небо. Каждому нужна такая гора, которой можно выкрикнуть всё сокровенное.

— Ну же, попробуй. — Я подмигнул ему, хлопнув по плечу.

Внезапно Мо Чэ перехватил мою руку и рванул на себя, заключая в объятия. Сжал так, что кости хрустнули. Я хотел было возмутиться, но услышал над самым ухом его хриплый, надломленный шепот:

— Лянь...

Сил сопротивляться не осталось. Я притих у него на груди.

— Зови еще.

— Лянь.

— Еще...

— Лянь...

Этот шепот, нежный и пугливый, словно он боялся, что ветер унесет имя, обжигал сильнее огня. Оказалось, на свете нет звука прекраснее, чем его голос, зовущий меня по имени.

***

Жаль было рушить такой момент, но в животе уже давно и весьма ритмично урчало. Он, должно быть, тоже услышал, потому что медленно отстранился.

Я честно признался:

— Есть хочу.

— Угу, — он едва заметно улыбнулся.

Впервые его холодное лицо смягчилось, став почти прекрасным. Я на мгновение засмотрелся, а потом он просто взял меня за руку и увел домой кормить.

Вот же бесхарактерный! Засмотрелся на простого смертного... Тьфу.

Позже, лежа в постели, я ворочался и от досады пнул кровать. В дверях тут же возник его силуэт.

— Что случилось? — тихо спросил он.

В темноте лиц не разглядеть, но его голос я бы теперь узнал из тысячи.

— Ничего, — буркнул я. — Кошмар приснился.

Не говорить же ему, что я уснуть не могу, о нем думая. Фу, гадость какая. Чтобы сменить тему, я приподнялся на локтях:

— А ты чего? Собрался куда-то?

— Нет.

— Почему?

— Демон красного скорпиона ушел от Вана. Дежурить больше нет смысла.

Видя, что он так и стоит в дверях, я зажег лампу. Тусклый свет залил комнату.

— Мне не спится, — капризно заявил я. — Поговори со мной.

Зная, что он не откажет, я дождался, пока он сядет напротив. При свете огня я заметил меч у него за спиной и усмехнулся:

— Слушай, а не странно ты меч носишь?

Он вопросительно посмотрел.

— Ну, длинные мечи обычно на поясе носят. За спиной — это для тяжелых клинков. Твой же

такой изящный, а ты его как дубину за плечи закинул. Грубовато смотрится.

— Ножен нет, — просто ответил он. — Поранить боюсь.

В мягком свете лампы его черты казались необычайно нежными. Он смотрел на меня так пристально и ясно, что мне стало не по себе. Я покраснел и отвел взгляд:

— Ну чего уставился!

Не успел я договорить, как в комнату ворвался ледяной вихрь, мгновенно погасив пламя. Ветки деревьев за окном забились в конвульсиях, напоминая когтистых призраков, а ветер завыл, точно орда голодных теней.

Мо Чэ мгновенно выхватил Хэнчэнь. Клинок пульсировал багровым светом, всё чаще и яростнее.

Демон?

— Оставайся здесь! — бросил Мо Чэ и исчез в ночи.

Ага, разбежался. Я выскочил следом.

Спрятавшись в ветвях старого дерева у ворот, я увидел толпу вооруженных людей. А против них стояла лишь одна женщина — та самая в фиолетовом, с киноварной отметиной на лбу. В руках она сжимала...

Цинь Хуаня!

Сердце пропустило удар. Парень был весь в крови, он беззвучно шевелил губами, а лезвие Пурпурного длинного серпа глубоко вонзилось ему в плечо.

Демоница вежливо улыбнулась:

— Насилу пробилась сквозь ваш барьер. Какая теплая встреча, я просто тронута. — Она указала серпом на меч в руках Мо Чэ. — Сделаем так: вы отдаете мне эту железку, а я отпускаю бедняжку.

— Тварь, и не мечтай! — выкрикнул кто-то из толпы.

— Вот как? — Она усмехнулась и провернула лезвие в ране. Цинь Хуань закричал, брызнула кровь. — И это ваша хваленая человеческая доблесть? Готовы смотреть, как умирает ваш друг,

лишь бы не расставаться с игрушкой?

Толпа замерла. Мо Чэ побледнел и судорожно сжал рукоять.

— Ну, как хотите, — демоница небрежно поправила прядь волос. — Раз он вам не нужен, отправлю его на тот свет. К сестрице и племянникам.

Её взгляд стал стальным. Она занесла серп над головой парня.

— Стой! — выкрикнул Мо Чэ.

Женщина замерла. Лезвие едва коснулось кожи Цинь Хуаня.

— Забирай меч! Отпусти его!

Она не могла коснуться клинка напрямую, поэтому притянула его заклинанием. Перехватив Хэнчэнь, демоница издевательски поклонилась:

— Премного благодарна. А теперь — ловите своего героя!

Она подбросила израненного парня высоко в воздух. Пока Мо Чэ бросился его ловить, женщина, не теряя ни секунды, рванула прочь.

Думаешь, уйдешь? Шпилька Управления Ветром в разы быстрее любого демона. Я настиг её у самого подножия горы Байхуэй. Она почувствовала погоню, резко обернулась, и я, не успев затормозить, кубарем полетел в грязь.

Наглotalся земли по самые уши.

— Ты? — она гадко усмехнулась.

Я вскочил, отряхиваясь и вытирая грязный рот.

— Я! Проблемы?!

Она окинула меня жадным взглядом.

— Милый маленький боженька... Ну как, сладко ли тебе спалось с тем смертным?

Тот вечер... Перед глазами вспыхнули унижительные картины. Тело предательски заныло, я задрожал. Я сжал кулаки до белых костяшек и прошипел:

— Это твоих рук дело...

— Ну и что с того? — Она лениво потянулась. На её красивом лице застыло ледяное безразличие. — Обожаю смотреть, как вы, заносчивые небожители, валяетесь в грязи. Вы — ничтожества, возомнившие себя владыками мира. Тьфу, смех один!

Я заметил меч у неё за спиной, окутанный защитной дымкой. Просто так не подберешься. Я закрыл глаза, глубоко вдохнул и заставил себя успокоиться.

— Мир держится на чистоте духа. Те, кто совершенствуется, возвышаются. Душа даже самого младшего бессмертного чище вашей. А те, кто пал во тьму, обречены на вечные муки. Это и есть истинное ничтожество.

Она вспыхнула от ярости, но ядовито улыбнулась:

— Мнишь себя чистеньким?

Пока она разглагольствовала, я, используя Шпильку, мгновенно переместился ей за спину. Выбрав момент, я со всей силы вцепился ей в грудь.

— Само собой! — хохотнул я.

Она опешила. Глаза её полезли на лоб, и лишь спустя пару секунд до неё дошло, что произошло. Красивое лицо исказилось в жуткой гримасе, в глазах вспыхнула жажда крови. Она замахнулась серпом.

Но я уже успел выхватить Хэнчэнь. Меч был тяжелым, и я едва успел отразить её удар. Силищи у неё было немерено. От мощного толчка я отлетел назад, на губах выступила кровь.

Она медленно приближалась. Чтобы я не сбежал, демоница наступила мне на руку. В тишине ночи отчетливо хрустнули мои кости.

— Я вырву твои жилы, выколю глаза и буду жрать тебя по кусочку...

Её лицо превратилось в маску демона. Я чувствовал себя щепкой в водовороте, ожидая последнего удара. Я онемел.

Казалось, это конец. Но этой ночью я был не единственным гостем.

Внезапно перед глазами мелькнула черная тень. Я не успел разглядеть лица, лишь знакомый силуэт. Послышались звуки короткой схватки, а затем — звонкая, хлесткая пощечина.

— Пшла вон, — ледяной голос заставил демоницу в ужасе бежать.

Я попытался подняться, но тень уже нависла надо мной. Не успел я поднять глаза, как он ударил меня наотмашь по лицу. Чужая рука больно вцепилась мне в подбородок.

— Три тысячи лет прошло, а ты всё такой же слабак. Даже с мелким бесом не сдюжил?

В голове загудело, зрение прояснилось не сразу. В багровом сиянии меча я увидел копну иссиня-черных волос. Высокий, статный, в черно-красных одеждах... Знакомый прямой нос, тонкие, вечно насмешливые губы. Наши взгляды встретились. Он смотрел на меня с нескрываемым презрением своими изумрудными глазами — «персиковый цвет», как говорят люди. Прекрасен и невыносим.

Я стиснул зубы.

— Фэнхуа... — выдохнул я с ненавистью.

<http://bllate.org/book/17534/1702292>